

Рустем Радикович Кудашев и его супруга Зульфия Кудашева – народные артисты РБ.

Азат Решатович Кудашев – доктор психологических наук, профессор Академии управления при Президенте РБ.

Искандер Рустемович Кузеев – внук Сайфи Кудаша, доктор технических наук, профессор УГНТУ, заведующий кафедрой и лабораторией.

Из психологических черт, являющихся общими для представителей рода Кудашевых, я бы отметил следующие: исключительное трудолюбие, целеустремленность, скромность, любовь к Аллаху и ближнему, умение рационально организовывать свое время, оптимизм, крепкую волю, решительность, бескорыстность.

Кудашевы испокон веков занимались пчеловодством. Сначала бортническим и колодным, потом пасечным. Секреты пчеловедения передавались из поколения в поколение. В Чишминском районе и в д. Кляшево, и в д. Акманай этим ремеслом занимаются в основном потомки нашего рода, в том числе и автор этих строк.

Еще одной особенностью многих членов рода является долгожительство. Так, Кайдафа Кудашева прожила 105 лет, Сайфи Кудаш – 99 лет, Шамсия Кудашева-Сатаева – 95 лет, Фарид Кудашева – 90 лет. Хотелось бы пожелать крепкого здоровья, бодрого настроения и долгих лет жизни нашим знаменитым, замечательным долгожителям.

Несколько огорчает инертность тех, кто по праву должен участвовать, но не участвует в работе Меджлиса, на предложение принять участие в работе общества порой прямо ошарашивают вопросом типа: «А что мне за это будет?»

Еще в первые годы становления Меджлиса я помню слова Саида Ханафиевича князя Еникева, что во всем мире существуют общественные организации. В общении людей происходит взаимное духовное и культурное обогащение, тем более в таком святом деле. У профессора Мулдашева есть выражение: «Предки дают нам энергию и силы».

Насколько же была сильна вера, что заставила наших предков бросить обжитое место, нажитое добро и отправиться в путь на лошадях, санях, телегах, осваивая новые земли. Терпя все эти лишения, конечно, кто-то болел, кто-то умирал в дороге. Но люди выстояли, обжились, вновь нажили добро, оставили наследство, восстановили духовные центры.

Осознавая это, невольно подтягиваешься до их уровня. Зная, что кто-то из рода смог добиться больших успехов, ставишь и перед собой высокие цели и добиваешься намеченного. Стараешься быть достойным памяти предков. Вот в этом и видится мне значение нашего движения. Чтобы нравственность была чистой, чтобы человек самовоспитывался и чтобы своих детей мы воспитывали в этом же духе.

Л.Я. Апакова, Л.В. Апакова

Общественная и торговая деятельность Апаковых в XVII–XIX вв.

В период Золотой Орды и в последующий золотоордынский период существовала устойчивая прослойка татарской феодальной элиты. Среди них значатся и Апаковы.

Есть несколько версий происхождения фамилии Апаков. Так, согласно статье А.А. Халикова о происхождении фамилии Апаковы (Аппаковы), где он ссылается на известного русского историка А.А. Зимины, «крымско-казанский мурза Аппак перешел на русскую службу в 1519 г.» [70].

Аппак-мурза (Абак-мурза) фигурирует в истории как приближенный крымского хана Махмет-Гирея: по С.М. Соловьеву, он вел переговоры с русским послом Мамоновым в 1515 г.: «Преданный Москве вельможа крымский Аппак-мурза писал великому князю: «У тебя хан просит восемь городов, и если ты ему их отдашь, то другом ему будешь, а не отдашь, то тебе другом ему не бывать; разве пришлешь ему столько же казны, сколько король присылает, тогда он тебе города эти уступит. А с королем им друзьями как не быть? И летом, и зимою казна от короля, как река, беспрепятственно так и течет, и малому и великому – всем уноровил». Послу великокняжескому Мамонову тот же Аппак говорил: «Ты приехал нынче между великим князем и царем дело делать, так ты делай дело умеючи: чего у тебя царь ни попросит, ты ни за что не стой, тешь его. А не захочешь царю дать добром, так тебе без дела назад ехать; ведь царь у тебя силою возьмет все, что захочет; так ты бы царю не стоял ни за что, чего у тебя ни попросит добром, а позора бы тебе не дожидаться». Аппак жаловался Мамонову, что и ему великий князь мало прислал» [69, с.241]. «Богатырь-царе-

вич обещал хлопотать о том, кто его больше почитит; король, как видно, почитил его больше, и Богатырь в 1516 году опустошил рязанскую украину. Когда посол жаловался на это доброхоту московскому, музре Аппаку, тот отвечал: «Все это делается великому князю самому от себя: говорил я, чтоб великий князь столько же присылал, сколько король присылает». А сам хан писал Василию: «Что сын мой Богатырь без моего ведома на Рязань ходил, то князь бы Василий лихим людям не потакал, кто станет говорить, чтоб ему за то со мною раздружиться». Хан обещал идти на Литву, но требовал, чтоб великий князь помог ему взять Астрахань... [69, с.242].

Аппак ездил к великому князю Василию III с шертной грамотой хана о союзе против Литвы и с целью добиться выдвижения на казанский престол ставленника Махмет-Гирея в 1519 г. [5, с.462].

«Постниковский летописец» описывает эти же события таким образом: «Того же лета (7027 г.) был на Москве посол князь Аппак да Магмат паша от царя Магмет-Гирея. И вельми одарил их князь велики» [65, с.13].

Н.М. Карамзин также упоминает эти события в своей «Истории государства Российского»: «Абдыл-Летиф, названный преемником Царя Магмет-Аминя, умер в Москве [19 ноября], к огорчению Великого Князя: ибо Летиф служил ему орудием Политики или залогом в отношении к Тавриде и Казани. Но сие происшествие имело сначала благоприятные для нас следствия. Желая завоевать Астрахань, Магмет-Гирей не менее желал подчинить себе и Казань: содействие России, нужное и для первого, было еще необходимее для успеха в последнем намерении. Итак, услышав о смерти Летифа, зная близость Магмет-Аминовой и назначив Казанский престол брату своему, Саип-Гирею, Хан обратился к дружбе Великого Князя. Хотя многие Вельможи и Царевичу сильно противились сему расположению; хотя Калга, Ахмат-Гирей, наш ревностный приятель был одним из них злодейски убит: но доброжелатели России, в числе коих находился Князь Аппак, главный любимец Ханский, превозмогли, и Магмет-Гирей известил Василия, что он немедленно пришлет в Москву сего Аппака с клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюют Литву; что мы их усердною помощию истребим всех врагов, если сами окажем услугу Хану: возьмем для него Астрахань или Киев. Не упуская времени, Государь послал в Тавриду Князя Юрья Пронского, а с ним Дворянина Илью Челищева, весьма угодного Царю. Они встретили Аппака, который действительно привез в Москву шертную грамоту Ханскую, написанную слово в слово по данному от нас образцу, в том смысле, чтобы Великому Князю и Магмет-Гирею соединить оружие против Литвы и наследников Ахматовы. В описании сего Посольства заметим некоторые любопытные черты: Аппак явился в чалме и не хотел снимать ее пред Василием. «Что значит такая новость? – спросили наши Бояре: – ты Князь, однако ж не Азейского рода, не Мольнин и никогда не бывал в Мекке». Аппак изъяснил, что Магмет-Гирей дозволил ему ехать к Магометову гробу и в знак сего украсил его голову знамением правоты. Посол и чиновники Московские преклоняли колена, говоря друг другу именем своих Государей. Он здоровствовался с Великим Князем и стал на колена, чтобы отдать Ханские письма. Союз утвердился присягою. Хартия шертная лежала на столе под крестом: Василий сказал: «Аппак! на сей грамоте клянуся моему брату, Магмет-Гирею, дружить его друзьям, враждовать неприятелям. Тут не упоминается об Астрахани; но даю слово вместе с ним объявить ей войну». Государь поцеловал крест, взяв письменное обязательство с Аппака в верности Магмет-Гирея» [6, с.48].

Надежды Крымского хана посадить своего ставленника в Казани не оправдались, Василий содействовал получению престола «не брату, а злодею Магмет-Гирееву» и «дал им в цари юного Шиг-Алея, внука Ахматова» [6, с.49]. «Сие делалось во время бытности Аппака в Москве, и хотя не помешало заключению союза с Тавридою, однако ж произвело объяснения. Посол с удивлением спросил, для чего Василий, друг его Царя, отдал Казань внуку ненавистного Ахмата? «Разве нет у нас Царевичей? – сказал он: – разве кровь Ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочем, я говорю только от своего имени, угадывая мысли Хана». Василий уверял, что он думал возвести брата или сына Магмет-Гиреева на сие Царство, но что Казанские вельможи непременно требовали Шиг-Алея, и если бы воля их не исполнилась, то они взяли бы себе Царя из Ногаев или Астрахани, следственно, опасного неприятеля России. Аппак замолчал, и скоро пришла в Москву желанная весть, что Хан уже действует как наш ревностный союзник; что сын его, Калга Богатырь, совсем нечаянно вступив в Литву с тридцатью тысячами, огнем и мечом опустошил Сигизмундовы владения едва не до самого Кракова, наголову разбил Гетмана, Константина Острожского, пленил 60000 жителей, умертвил еще более и возвратился с торжеством счастливого разбойника, покрытый кровию и пеплом. Доказав таким образом Королю, что мнимый союз варваров бывает хуже явной вражды (ибо производит оплошность), Магмет-Гирей готовился доказать сию истину и Великому Князю; но еще около двух лет представлял лицо нашего друга. Аппак выехал из Москвы

весьма довольный милостию Государя, и новый Посол Российский, Боярин Федор Клементьев, заступил в Тавриде место Князя Пронского» [6, с.43].

По мнению казанского историка Р.Р. Салихова, Мухамед бин Апак Аль-Казани имел непростое, дворянское происхождение, а род Апаковых был одним из древнейших родов Старотатарской слободы Казани. «Вероятно, его основатель был в числе первых жителей нового мусульманского поселения на берегу озера Кабан, возникшего сразу же после покорения Казани войсками Ивана Грозного. Как известно, право на землю и ведение торговли здесь получили, в первую очередь, представители тюркской знати, участвовавшие в завоевании Казанского ханства» [66].

Можно предположить о родственной связи между послом мурзой Аппаком (Апаком) и Мухамедом бин Апак аль-Казани, служивым татаринном, активно отстаивавшем права татарского населения в Старо-Татарской слободе Казани во второй половине XVII века. Так, конфликтная ситуация во взаимоотношениях жителей слободы с русскими земскими старостами и посадскими людьми на почве торговых отношений находится в центре внимания грамоты 1685 года «Об освобождении казанских татар от земских податей и повинностей», данной казанскому воеводе князю И.И. Голицину [64, с.78].

С челобитной обратились к великим государям Ивану и Петру Алексеевичам «казанские слободские служилые Татары Аитка да Надырка Шигаевы да Маметка Апаков да Ибрагимка Инбулатов» [64, с.79], объясняя, что со времен взятия города Иваном Грозным, служили их прадеды, деды и отцы «всякие верховые и низовые службы с князи и с мурзы и служилыми новокрещены и с татары..., а после дедов и отцов служат и они» [там же]. Казанские слободские татары имели возможность заниматься торговым промыслом за свою ратную службу, за которую они не получали денег, или владение землей или крепостными крестьянами: «Торговать им велено всякими товарами, вместо их великих государей денежного и хлебного жалованья». «Только де кормятся они торговыми своими промысла меж службами, и сидят они в своих, а иные и в наемных лавках... и пошлины с товаров своих платят...» [там же]. Слободские татары требовали «с тех их торгов и с лавок и с анбаров со всяких торговых промыслов пошлины иметь по прежнему их великих государей указу и по новоустановленным торговым статьям» [там же]. Казанские же земские старосты и посадские люди боролись против льгот слободским татарам, «чтобы с торгового их промысла тягло на них положить, и с ними посадскими людьми службы служить, и в стрелецких деньгах помогать, и дворы их переписать и положить в тягло с промыслу их, против их посадских людей» [64, с.80]. Государство в этом конфликте встало на сторону служилых татар, более высокой в социальном отношении категории населения: «по прежним их великих государей указам и по приговору бояр и воевод их, татар, оберегать по прежнему, и казанским посадским людям обид им, татарам, и тесноты чинить не велеть, чтобы им, татарам, никакого утеснения не было, и на земской двор с них, татар, которые объявились в службах и дворы под ними белые, тягла иметь не велели, потому что они служилые люди, а не тяглые и не черной слободы...» [64, с.81].

Однако в продолжение конфликта часть татарского населения Казани оказалась записанной в посад, согласно Переписным книгам Ивана Садилова, что и вылилось в подание очередной челобитной Мухаммедом Апаковым царю. Грамота Петра I от 15 июля 1698 г., данная казанскому воеводе князю П.Л. Львову, определяла, чтобы «он окольный и воеводы с товарищи не велели служилого татарина Махметку Апакова и иных, которые в переписных книгах 1679–1680 г. в посад не написаны, в посад иметь, и службы им с посадскими людьми служить и с промыслов тягла их платить, а которые записаны в посад и тем быть по-прежнему в посаде, а с промыслов своих и торгов платить в тягло по его великого государя указу, а лишнего с них отнюдь не иметь» [64, с.85].

Казанские служилые татары и торговцы, вследствие знания языков и обычаев родственных тюркских языков, исповедовавшие единую религию – ислам, с середины XVI в. становились посредниками между русской и азиатской торговлей; их использовали в качестве толмачей и дипломатических агентов московского правительства. Вместе с тем продолжались и культурные взаимоотношения казанских слободских татар с народами мусульманского Востока, особенно Средней Азии. Этому способствовали также и сильные семейно-родственные связи.

Примечательна история женитьбы вышеозначенного Мухаммеда Апакова на крымчанке Кинтейке, Ирмухаметовой дочери [7]. Девушка была вывезена из Крыма запорожскими казаками в 1695–1696 гг. и продана в рабство. Ее брат Курманалей прибыл в Москву с целью обменять ее на стрельца А.Иванова. Процедура освобождения происходила в полном соответствии с правилами обмена. В ожидании выдачи документов Кинтейку сосватал за Мухаммеда Апакова переводчик посольского приказа мурза Сулейман Танкачеев. Как Мухаммед, так и Кинтейка подали челобит-

ные о разрешении брака и постоянного проживания последней в России, и никаких проволочек не встретили.

Последующая судьба рода Апаковых требует дальнейшего исследования. Можно предположить, что потомки, которые остались в Крымском ханстве после аннексии Крыма в России в 1783 году, получили дворянское достоинство. Те, кто проживал на территории России, оказались приписанными в 1724 году в подушное сословие, хотя по-прежнему именовали себя служилыми татарами.

По данным Р.Р. Салихова, два сына Мухаммеда Апакова: Юсуф и Абдулмет, несмотря на определенные конфессиональные ограничения начала XVIII века, сумели сохранить некоторые сословные привилегии. Первый из них в 1748 году даже имел собственных дворовых людей, мог продавать и приобретать крепостных крестьян [66].

Родоначальником купеческой династии Апаковых называют Мусу Давыдовича Апакова (1765–1824?), который жил в Старо-Татарской слободе в собственном доме с женой Махбубой Рафиковой (1761–1827) и сыновьями [4, с.116; 68, с.63]. На 1797 г. Мусе Давыдову Апакову был 31 год, его жене 26 лет, сыну Абдулке 1 год, дочерям: Сахибе 7 лет, Шарип Зямале 6 лет [14, л.61].

О Мусе известно немного, хотя в публикациях о купеческих родах историки и краеведы среди Апаковых выделяют именно его. Хотелось бы обратить внимание на результаты дальнейших исследований. В фондах НА РТ мы находим сведения о родных братьях Мусы Апакова, которые сыграли значительную роль в становлении купеческого рода Апаковых в середине XVIII века. Это старшие братья Мусы Апакова – служилые татары Якуп (1755-?) и Муртаза (1756- ?). По данным 1797 г., Якупу было 42 года, а Муртазе – 41 год, проживал он с женой Хабибой Утягановой 43 лет, имел сына Мустафу 25 лет [14, л.61].

Якуп, Муртаза и Муса значатся в документах НА РТ как музры и торговые татары [13]. От отца своего служилого татарина Давыда Юсупова сына братья Апаковы и сестра Загифа получили «подгородние сенные покосы за Дворцовою деревнею Победиловою», мельницу в «Лаишевской округе на речке Нырсе» [8, л.1] и деревянные лавки в мелочном и ленточном рядах Гостиного двора [10].

Апаковы уже вели активную торговую деятельность, приобретали земли. Так, в 1797 г. началась продолжительная тяжба братьев Апаковых по поводу загородных сенных покосов с вдовой поручицей Дарьей Александровной Топорниной из княжеского рода Асановых, обвинявшую братьев Апаковых в незаконном завладении землей в 1773 г. [13]. Суд выявил, что данные земли были приобретены дедом вышеозначенных служилых торговых татар Юсупом Маметовым сыном Апаковым в 1726 г. по купчей Казанского уезда Арской дороги деревни Верхний Шун у ясадного новокрещенного Михаила Евдокимова; оригинал купчей был приобщен к делу. Вдова Топорнина оспаривала законность данной сделки, поскольку данные земли были жалованы ее предку князю Федору Асанову за службу, а его наследники не имели права продавать вотчину крестьянину, да еще татарину. Суд постановил закрепить часть земель за Апаковыми. Следует отметить, что представители рода Асановых, восходящего к новокрещеному Якову Асанову (сыну Асан Мурзину) часто фигурируют в спорных имущественных вопросах, например записи 599, 841, 991, 1139, 1140, 1181, 1182, 1194, 1233, 1290, 1322, 1325, 1602, приведенные в книге И.П.Ермолаева [3].

Торговый татарин Якуп Давыдов сын Апаков имел в Гостином дворе лавки в пушном и ленточном рядах сообща с вотчинным купцом Леонтием Крупенниковым [35, л.252]. Муртаза Давыдов сын Апаков также занимался торговлей, сотрудничая как с татарскими, так и русскими торговцами. Муртаза и Муса производили торг на ярмарках и торжках сообща, поддерживая друг друга, хотя и имели отдельный капитал: «Брат мой Муса Апаков со мною в отделе живет, имеет капитал особенный, на который от себя торг производит» [9, л.10]. Муса не раз поручается за Муртазу при совершении сделок на Макарьевской ярмарке.

Муса Апаков торговал мануфактурой [68], владел лавками в ленточном и мелочном рядах Гостиного Двора, полученную по наследству [10]; стоимость лавки в ленточном ряду при переписи недвижимости в 1818 году указана в значительную сумму 1500 рублей, если учесть, что деревянный дом купца Апакова в Старо-Татарской слободе оценивался не дороже 800 рублей [68, с.64].

Владение лавками в каменном здании Гостиного двора на центральном торге говорит о материальном положении братьев Апаковых, поскольку это могли себе позволить лишь немногие купцы. Большинство лавок принадлежало городу и сдавалось в аренду, принося значительный доход казне города [там же]. Позднее лавки перешли к сыну Муртазы Мустафе Апакову (1770?–?). Семья Мустафы на 1795 г. включала жену Магубби Айсию 25 лет, дочери Махиб Зямал 5 лет, Сахиб Зямал 1 год [14, л.61]. В пожаре 1797 г. в Гостином ряду, когда пострадало значительное

количество лавок татарской Старой слободы, убытки в двух лавках Мустафы с шелковым и бумажным товаром были оценены в 6000 рублей, что сопоставимо с убытками таких предпринимателей как татар Новой слободы Абдрашита Галанского (в ленточном и сапожном рядах по две лавки и одна в мыльном) товара на 7300 руб., Измаила Галанского две лавки в сыреинном ряду и одна в мыльном на 4200 руб..., Сулеймана Исхакова в сапожном ряду на 2650 руб. [15].

Деятельность Мусы, Муртазы, Якупа Давыдовых, а также Мустафы подготовила почву для развития рода Апаковых как купеческого. Нами не были найдены свидетельства о причислении ни одного из них к гильдейскому сословию после царского манифеста от 17 марта 1775 г., когда прежнее купеческое сословие было разделено на гильдейское сословие и мещанское сословие, и в новую сословную организацию купечества вошли владельцы мануфактур, крупные и средние купцы, представители ростовщического капитала. В 1799 г. в гильдейском купечестве состояло 32 семьи, в том числе во II гильдии – 8 семей, в III – 24. Из казанских купцов в то время никто в I гильдии не состоял [2, с.141]. Более мелкие торговцы записывались в мещанское сословие. Многие жители татарских слобод занимались торговой деятельностью, хотя они не являлись гильдейскими купцами [там же].

На рубеже XVIII–XIX веков Апаковы активно участвовали в общественной жизни Старотатарской слободы и в работе органов местного самоуправления, как бы продолжая дело своего легендарного прадеда Мухаммеда (Мамета) Апакова, активно отстаивавшего права служилых татар во второй половине XVII века.

Известно, что татарское городское купеческое сословие было подчинено Татарской ратуше, основанной в конце 1781 г. В ратушу избирались сроком на 3 года: 1 городская голова, 2 бургомистра, 4 ратмана и 2 словесных судьи В архивных документах значится, что «...татарин Муртаза Давыдов сын Апаков в 1787 г. по избранию слободских татар находился в учрежденном при сей ратуше словесном суде судьей и каковым должностям всегда выбираемы бывают люди поведения хорошего, честные и не подозрительные» [11, л.3]. Говоря о Муртазе, 55 обывателей Старой слободы и 36 Новой слободы подписали следующие показания: «Он Апаков поведения наперед сего был хорошего, и ни в каких подозрениях и пороках тако же и под суждением не бывал, а по хорошему его поведению обществом выболтирован был в словесный суд судьей которой должность ту исправлял порядочно в чем по-татарски подписуюсь» [11, лл.11–26].

Муртаза Апаков пользовался доверием жителей слободы, где он сам проживал, и более 72 татар слободы доверили ему решать спор со старостой Ишмухаметом Файзуллиним для ревизии денежных сумм, собираемых старостой, который «со служилым торговым татариним Мусой Даймухаметевым часто временно мирный сход делал, не спрашивая о мире у себя на дому, пишут приговоры на россейский диалект и денежном сборе и прочие дела, руку прикладывать заставляють» [16].

В 1796 г. служилый татарин Якуп Давыдов-Апаков, брат Муртазы и Мусы Апаковых, являлся одним среди 5 кандидатов в бургомистры от Старой Слободы. Среди 119 голосовавших за него проголосовало 56 человек, против – 63, тогда как за остальных голоса распределились следующим образом: Хамит Беляев – 23 голоса «за», Абдрешит Идрисов – 51, Мукмин Юсупов – 62, Юсуп Субаев – 73, последний и был выбран бургомистром [12]. Однако уже в 1798 г. Якуп Апаков работал в ратуше в качестве бургомистра Старо-Татарской слободы [17], в 1799 году был избран бургомистром на следующий трехлетний срок (1800–1802), хотя также баллотировался на должность главы [18, л. 10]. На следующий трехлетний срок Якуп Апаков баллотировался на должность «главы» в 1799 г. Среди 51 голосовавших 23 отдали свои голоса в пользу Якупа; 2-й гильдии купец Мухамет Габбасов и 3-й гильдии купец Назир Азимов получили 17 и 19 голосов соответственно, 3-й гильдии купец Есуп Субаев – 27 голосов. Главой же был избран «из служилых торговых татар» Давыд Аитов князь Заманов, в пользу которого отдали голоса 29 выборщиков [18, л.11].

Якуп и Муртаза Давыдовы-Апаковы были грамотны по-русски и по-татарски и, пользуясь доверием и уважением жителей Старо-Татарской слободы, ставили свои подписи за тех, кто не умел расписываться.

Из потомков всех троих братьев на сегодняшний день выделяют детей Мусы: Исхака, Насыра, Мустафу, Хусаина, Хасана [68, с. 65]. По данным Л.М.Свердловой, после смерти Мусы его семья не объявила капитал, и ее причислили к «торговым татарам» – сословию, приравненному к мещанам. После выхода Манифеста 1825 года Апаковы вновь вступили в третью гильдию. Владелицей семейного капитала считалась вдова Мусы Апакова Махбуба Рафиковна, однако, в действительности, торговое дело вели ее сыновья. На постоялом дворе на Сенной площади они

торговали необработанными кожами. Но, так как они не объявили капитал, они снова были переведены из купцов в мещане.

Исхак Мустафич продолжил купеческий род Апаковых. По данным НА РТ Исхак Мустафич (?–1859) не мог быть ни старшим сыном Мусы Давыдовича, ни его внуком, а, скорее всего, был его племянником, то есть внуком Муртазы Давыдова сына Апакова.

В 1825 году он вступил в третью гильдию с семьей (женой Халидой Мусиной, сыновьями Измаилом и Ибрагимом и дочерью Магитабой), объявив капитал в 8000 рублей [36, л.37]. Именно он прошел путь с 3-й гильдии до первогильдейского купечества к середине 40-х годов XIX века [49, л.53] и потомственного почетного гражданства.

В родовой лавке в Гостином дворе он торговал бумажными и шелковыми тканями, а в лавке в кожевенном ряду продавал необработанные кожи. В 1834 году Исхак уже значится купцом II гильдии [41, л.49].

В 1832 г. Исхак проживал в деревянном одноэтажном доме «2 сажень длиной и 4 сажень шириной» по 2-й части 3-его квартала [40, л.36], однако после оценки недвижимого имущества 1832 г. на погоревшем месте на Сенной улице Исхак в 1835 г. выстраивает новый дом с лавками, оцененными в 16000 руб., а позже в 32000 рублей [43, л.160].

«Двухэтажный дом (на ул. Екатерининской № 73) имел 15 покоев-комнат, да пристроено было к нему два флигелька двухэтажных» [1, с.23] В усадьбе Апаковых было также две конюшни, изба, сарай, баня [там же]. На месте, принадлежащим Исхаку, кроме каменного дома, было 2 каменных флигеля, деревянное строение, каменная прачечная и мыльная [63].

В 1841 году усадьба Исхака представляла собой «Дом Казанского I гильдии купца Исхака Мустафина Апакова, внизу с двумя подвалами и кухней и возле него вновь складенный кладовой, каменный двухэтажный крыт железом. Во дворе службы два анбара, напогребница, конюшня в одной связи крыты тесом. Летняя кухня, каретник крыты тесом. Коровий хлев крыт на один скат тесом. Баня деревянная крыта тесом. В саду небольшая беседка крыта тесом. Дом оценен в 4858 руб. серебром» [47, л.34 об.].

Кроме того, Исхак имел несколько доходных домов в разных частях города. Так, во второй части Казани ему принадлежало следующее строение: «Дом купца Исхака Апакова, каменный под оным шесть лавок крыты железом. Верхний этаж в черни. Во дворе службы: флигель деревянный с чердаком. При нем особо 13 каменных лавок крытых железом... Дом оценен в 8000 руб. серебром» [46, л.136 об.].

В период с 1825 по 1840 гг. Исхак сумел выбиться в число богатейших купцов Казани. В родовой лавке в Гостином Дворе, доставшейся ему по наследству, он торговал бумажными и шелковыми товарами. Он взял в аренду еще одну лавку в кожевенном ряду Гостиного двора, где он продавал необработанные кожи – «сырейный товар» [1, с.23; 68, с.65]. Исхак также имел две лавки «по Суконной линии» «общее пополам сообщены с Крупенниковыми», оцененные в 1843 г. в 856 рублей серебром [48, л.215 об.].

В 1839 г. за Исхаком значатся во второй части г. Казани 10 лавок для торговли ленточными и ичигишными товарами, и шапошными и золотокружевными товарами. В 18 лавках, принадлежащих Исхаку Апакову, производят торг:

- «в 1-й – казанский мещанин Абдул Зайниев – ичигами и ситцами;
- во 2, 3, 4, 5 – пустые;
- в 6-й – купчиха Диляфруз Адельшина Зайцева – ичигами;
- в 7-й – казанский мещанин Шаех Татев 110 – ситцами;
- в 8-й – казанский мещанин Хуснутдин Шамсутдинов – прозументом и прочими;
- в 9-й, 10-й – казанский мещанин Фаткулла Негаметуллин – прозументом и прочими;
- в 11-й – торгующий по 3-му ряду татарин Галей Абсалямов – прозументом и прочими;
- в 12-й – казанский мещанин Шарып Валитов – ичигами;
- в 13-й – казанский мещанин Хайбулла Губайдуллин – шапками;
- в 14-й – казанский мещанин Абдулгазей Апсалямов – прозументом, чаями и прочими;
- в 15-й – казанский мещанин Халит Абдрахманов – прозументом, чаями и прочими;
- в 16-й, 17-й – купец Пулатей Галанский – прозументом, чаями и прочими;
- в 18 и 19 – казанский 3-й гильдии купец Юсуф Шафеев Урмяков – прозументом, чаями и прочими» [44 114–1–1374].

Таким образом, перечень торговых точек И. Апакова достаточно внушителен. Кроме того, Исхак активно торгует на ярмарках, поскольку в отличие от русского, крупное татарское купечество, занятое оптовой торговлей, было связано не с биржевой, а с ярмарочной торговлей, что

также определяет традиционный характер предпринимательской деятельности татар и ассортимент товаров, выставляемых на продажу. Татарские купцы вывозили на ярмарки много самых разнообразных товаров: ичиги женские сафьяновые узорные; бараньи, вышитые бумагой; мужские ичиги козловые черные с галошами; калоши женские козловые; тюбетейки, шитые золотом и серебром; бархатные; миткалевые для простого люда, саквояжи козловые с вышитым казанским гербом, подушки козловые без набивки, кумганы медные из «белого железа» и т.п.

В начале XIX века ярмарки в России достигают расцвета. Наибольшего размаха достигает система ярмарочного торга на Украине. Но самой крупной остается Макарьевская ярмарка на Волге, с 1817 г. переведенная в Нижний Новгород. В Казани с древнейших времен каждый май проходила ярмарка Ташаяк на набережной Булака. В 1835 г. Исхак Апаков на эту ярмарку поставил татарские халаты и китайские чашки на 2000 рублей серебром, а также халаты, кашемир, платки на 5000 рублей серебром [42, л.58–59].

Не ограничиваясь торговлей, в 30-е годы XIX века Исхак Апаков открыл «китаечную» фабрику, которая была оборудована по всем требованиям времени [4, с.116]. Располагалась она по улице Захарьевской во дворе двух домов № 133 и № 134 умершего мешанина Ахмета Мусина Абетьева: «Во дворе строения два деревянных флигеля для тканья китаек крытые драньем. Красильня, колотильня деревянные, крыты под одну крышу драньем [47, л.44 об.]. По данным Л.М. Сverdловой, Исхаку принадлежала китаечная фабрика на ул. Б. Мещанской [68, с.68].

К концу жизни состояние Исхака Апакова оценивалось, по сведениям Ш.Марджани, в 1 миллион рублей [4, с.116].

Исхак Апаков получил звание потомственного почетного гражданина, так как состоял в первой гильдии 10 лет [68, с.63–69]. В 1840 году он уже значится как 4-й потомственный почетный гражданин среди купцов первой гильдии – вслед за Губайдуллой Юнусовым, Хасаном Апанаевым, Мухаметом Апанаевым [45, л.241 об.].

Исхак – самый яркий представитель купеческой династии Апаковых. Благодаря его таланту и успешной торгово-промышленной деятельности, Апаковы выдвинулись как крупные и влиятельные купцы. Исхак Мустафич неоднократно избирался в Городскую Думу и Татарскую Ратушу, входил в состав Попечительского Совета Юнусовского приюта, имел две золотые медали от правительства с Аннинскими лентами как фабрикант, который поставил в казну сверх нормы еще двести тысяч аршин ткани. Он помог и внуку Якупу Абдрешитовичу открыть китаечную фабрику [68, с.66].

У Исхака Мустафича было несколько жен, среди которых нам известны Халида Мусична (Хати́фа Мусина), Камбар Бана Ахмерова; восемь сыновей: Абдрешит, Мустафа, Ибрагим, Измаил, Шаих-Гаттар, Бахты-Гирей, Якуп, Гусман – и пятеро дочерей: Биби Махи Жиган, Биби Хусни Жиган, Магитаба, Фатима, Фатиха и Магаруй. Он уделял много внимания своим детям: просил имама дать частные уроки сыновьям, который после недолгого раздумья согласился вести занятия только для сыновей Исхака [67, с.112].

Среди детей Исхака Апакова самыми успешными оказались потомственные почетные граждане г. Казани купцы I гильдии Измаил и Ибрагим, потомственные почетные граждане г. Казани купцы II гильдии Шаих Гаттар и Бахты Гирей, купцы III гильдии Абдрашит и Мустафа, которые продолжили дело отца, умножая не только свое личное состояние, но и внося существенный вклад в историю Казани.

В краеведческих изданиях большое внимание уделяется жизнедеятельности потомственного почетного гражданина, купца I гильдии Ибрагима Исхаковича Апакова [4, с.117; 1, с.21–23], но не менее значима роль его старшего брата, потомственного почетного гражданина, купца I гильдии Измаила Исхаковича (1821/2 –1889?).

Измаил Исхакович – образованный человек, грамотен как по-татарски, так и по-русски, состоял действительным членом Императорского Казанского экономического общества [68, с.63–69], являлся бессменным старшиной мусульманского детского приюта, возглавляемый Юнусовым, входил, как его брат Ибрагим, в список присяжных заседателей Казанского окружного суда [60, л.3]. Как Измаил, так и Ибрагим входили в список избирателей в гласные Уездной Земской управы. В список вносились лица, имеющие право участвовать в г. Казани и Арске в избирательном съезде, на основании 25 ст. положения о земских учреждениях, согласно их имуществу. На городском избирательном съезде от 7 июня 1871 г., Измаил Исхакович был кандидатом в гласные Казанского Уездного земского собрания на 3-хлетие с 1871 по 1874 годы [21, л.1 об., 2 об.].

Измаил с женой Биби Гайшой Губейдулловной Юнусовой (1824–1882), которая также являлась собственницей внушительного состояния, и сыном Мухамет-Султаном (1853–1912/20?)

состоял в I гильдии уже в 1860 году [59, л.1 об.], заявив капитал в 15000 рублей [52, л.1 об.]: «Пошлины за купеческое свидетельство в казну и земской повинности 330 руб., за билет на торговое и промышленное заведение 50 руб., в городской доход 37,50 руб., всего 417 руб. 50 коп. Как видно из оценочной таблицы, недвижимое имущество в Казани имеет, городских недоимок на нем не состоит» [55, л.44]. Состоял в купечестве I гильдии постоянно с 1860 по 1883 гг.

У Измаила были торговые места в Гостином Дворе: оплачены им оброчные деньги «за лавки по ленточной линии под № 1 за 1868 г. 95 руб. С него же за лавку по той же линии под № 10–11 за 1868 г. 90 руб. С него же за лавки в верхнем этаже вновь пристроенного гостинодворного корпуса № 1–2 за 1868 г. 25 руб.» [56, л.26 об.] К 1877 г. он также был введен во владение каменной полулавкой на верхнем этаже Гостиного двора, доставшейся ему по наследству от отца его Исхака Мустафича Апакова [28, л.45].

Лавкой в рядах Гостиного Двора «I гильдии купца Апакова Исмагила Исхаковича заведует мещанин Абдул Мухаметов и при нем крестьянин Исмагиль Баязитов» [26, л.70 об.]. Приказчик Измаила Исхаковича мещанин Абдулвалей Мухаметов имел доверенность от И.И. Апакова торговать как в Казани, в лавках Гостиного Двора, так и ярмарках и торжках Российской Империи предоставленными купечеству I гильдии товарами [19, л.47 об.–48]. В Гостином Дворе в общественном ряду в лавке Измаила приказчик из Буинска купец III гильдии Алексей Константинов Миловочнов производил торговлю бумажными товарами, которые доставлялись из Москвы через подрядчиков. Оборот торговли достигал в течение года 100000 руб. [51, л.64 об.].

Жена Измаила Исхаковича Биби Гайша Юнусова имела свои лавки: в Суконной линии «купецких дочерей Биби да Бегайни Камалы, Биби Сакры Камалы, Биби Гайши Губейдуллы Юнусовых 4 каменные одноэтажные лавки, крыты железом, оценены в 6044 руб. сер.», «дочери Биби Гайши Юнусовой 2 каменные одноэтажные лавки, крыты железом, оценены в 2080 руб. сер.» (1843 г.) [48, л.219 об.], на Поперечно-Сенной улице «каменная с накатом лавка купеческой жены Биби Гайши Губайдулловны Апаковой, выстроена неизвестно когда; под нею земли 8 кв. сажен. Оценка по таблице 50 руб. (1845 г.)» [50, л.123 об.–124]. Также держала лавку в Гостином Дворе в 3-м отделении по табачной линии под № 10 (1866–67 г.) [56, л.24 об.].

На Хлебном базаре сам Измаил имел дом с каменными лавками (Баумана, 54) [57, л.107 об.–108], доставшийся от отца и оцененный в 1870–1871 г. в 8040 рублей [20, л.57 об.–58], а его жена владела двумя лавками (1868 г.): одна была записана на нее [57, л.122], а другая считалась совместным имуществом с Махуб Камал Апапановой и Фахри Замал Кашаевой [20, л.59–60]. К 1868 г. две каменные лавки на Сенной стоимостью в 560 рублей перешли от Биби Гайши Апаковой и Фахри Замал Кашаевой к Измаилу Апакову [53, л.151 об.] Ему же принадлежало старое здание фабрики отца на Большой Мещанской улице [68, с.68].

Измаил, так же как и его отец Исхак, взаимодействовал с русскими купцами. Взаимовыручка татарских и русских предпринимателей, например, проявлялась в кяхтинской торговле. При провозе товара на Кяхту и вывозе его на иркутской таможене купцы обязывались уплачивать пошлину, причем разрешалось вносить деньги после реализации товара. Страхуясь от возможного разорения торговца, власти требовали поручительства имуществом от других купцов. Так, в 1826 г. Г.М. Юнусов должен был уплатить сумму в 100000 рублей пошлины, и за него поручились богатейшие купцы Казани, участвовавшие в кяхтинской торговле: Л.Ф. Крупенников, П.И. Котелов, М.М. Якупов и Ю.А. Арсаев. Сам же Г.М. Юнусов выступил поручителем Якупова [37, л.13–14; 18–19]. В 1866 г. Измаил Исхакович с братом Ибрагимом, а также другие видные купцы I гильдии, как-то Абдул-Меняф Биккенеев Мустакимов, Мухамет-Галей Апсалямов Усманов, Якуп Юсупов Чукин и потомственный почетный гражданин Муртаза Мустафин Усманов поручились за коммерции советников Потомственных почетных граждан казанских I гильдии купцов Исхака и кавалера Ибрагима Губайдулловых Юнусовых, братьев Биби Гайши Апаковой, предоставивших кредитный аттестат казанскому купцу Гавриилу Петрову Киселеву на перевод пошлин с промышленных и вымененных китайских товаров через векселя пошлин по Кяхте на сумму 15000 руб. серебром [54, л.163–164].

Измаил преуспел в коммерции, занимаясь в 70–80 годы торговлей зерном и хлебом, текстильным производством, выделкой кирпича и особенно операциями с недвижимостью [4, с.117]. Он скупал земельные участки, здания, строил доходные дома.

Измаил являлся крупным владельцем недвижимости, а его дома находились как в русской, так и в татарской частях города. Вместе с женой Биби Гайшой и сыном Мухамет Шах Султаном он проживал в купленном у князей Баратаевых в верхней части города, населенной русской аристократией и высокопоставленными чиновниками, доме по улице Поперечно-Воскресенской (Лобачев-

ского 2/31), где впоследствии расположилась Ксенинская гимназия. Для Апаковых в 1878 г. архитектор П.И. Романов надстроил четвертый этаж [68, с.68].

В 1853 г. семья Апаковых получила разрешение на постройку трехэтажного дома и каменных одноэтажных холодных служб по ул. Воскресенской и проулку (Кремлевская 5 – Батурина), утвержденное городским архитектором А.Песке [62]. Биби Гайше Губейдулловне принадлежали два двухэтажных каменных с надворными постройками дома на Воскресенской улице (1868 г.) оценены в 4500 и 7603 рублей соответственно [22, л.1 об.–2].

Измаил неоднократно получал разрешения на частные постройки и исправления в разных частях города: 1872 г. – в 1-й части дважды, 1873 г. – в 1-й части Казани, в 1874 г. – во 2-й, в 1875 г. – в 1-й, в 1876 г. – в 1-й, 2-й, в 1877–78 гг. – в 1-й, в 1879 г. – во 2-й, в 1883 г. – в 5-й части [29].

По данным, приведенным Л.М. Свердловой, в 70-ые годы он получил разрешение на постройку трех домов на улицах Екатерининской, Гостинодворской (Чернышевского 17/38) и Поперечно-Сенной (Парижской Коммуны, 11), причем последний стал одним из крупнейших его доходных домов в татарской части города [68, с.68]. Это был каменный трехэтажный дом с лавками и подвалом и каменные холодные службы [25, л.58 об.–59]. Проект дома был утвержден в 1874 г. «с тем, чтобы крыши на возводимых строениях были железные, а лестницы в каменной пристройке были устроены из незгораемых материалов, чтобы при производстве работ были соблюдены все установленные законом правила и работы производились под наблюдением городского архитектора, о чем ему сообщить и уведомить Г.Полицмейстера» [24, л.105–106].

По утвержденным проектам на перестройку дома на Поперечно-Сенной, а также дома на Воскресенской освобождались от квартирного сбора на 8 лет согласно §17 и §18 Высочайше утвержденного 22/IX 1840 г. Положения о постоянной повинности в г. Казани [23, л.227–233 об.]. В это же время (1876 г.) был утвержден проект на постройку четырехэтажного с подвалом дома на Воскресенской улице (сейчас левое крыло здания по ул. Лобачевского 2/31) [27, л.326–329].

В 70-ые годы изменился облик дома Апакова по Гостинодворской Поперечной улице. Первоначальный каменный двухэтажный дом с надворными каменными строениями (1868 г.) к 1871 г. был надстроен еще одним этажом, и все строение оценивалось в 15000 рублей. Рядом у мещанина Николая Антонова Измаил приобрел каменный дом с надворным каменным строением стоимостью в 5000 руб. [22, л.1–2; 39–40]. В 1874 г. к существующему дому был добавлен еще один трехэтажный с подвалом и лавками дом, согласно утвержденному в 1874 г.

Курьезно, что особого согласования требовало строительство даже туалетов, и на прошение Измаила на постройку «каменных двухэтажных отхожих мест на принадлежащем мне месте, состоящем в 1-й части на углу Гостинодворской и Проломной улиц» городская управа постановила «выдать Г. Апакову вместе с свидетельством на означенную постройку ретирада, при доме его, состоящем в 1-й части г. Казани» с тем, чтобы «выгребная яма была устроена каменная, при производстве работ соблюдались установленные законом правила и производились из незгораемых материалов» [27, л.291].

В татарской части Казани Измаилу перешел по наследству деревянный дом со службами по Тихвинской улице, оцененный в 1500 рублей, деревянный флигель со службами стоимостью в 800 рублей и располагающийся рядом бывший деревянный дом со службами мещанина Алексея Нератова стоимостью в 400 рублей [34, л.73–74].

Эти факты говорят о том, что Измаил Исхакович с большой охотой вкладывался в недвижимость, которую использовал для получения прибыли. В доходных домах Измаила Апакова располагались лавки известных казанских купцов и даже иностранных подданных.

На Воскресенской улице магазин шелковых и бумажных товаров из Москвы и ярмарок Казани III гильдии купца степенного гражданина Павла Александровича Прибыткова, которым он управлял сам, оборот торговли в течение года составляет 25000 руб.; в этом же доме магазин бумажных товаров с Нижегородской ярмарки III гильдии купца Евдокима Саватеева с оборотом торговли в течение года на 6000 руб. [51, л.13 об.]. Временный мастер, французский подданный Эдуард Лелас имел «портное ремесленное заведение. Сам работу принимает по заказам. Выручка в течение года – до 800 руб.». Портной шил на заказ и имел 6 работников [51, л.355 об.].

На Проломной улице под домом купца Апакова дочь Действительного Статского советника, объявлявшего капитал в Казани по III гильдии, Елизавета Александровна Лавинская имела лавку для торговли хрустальной и фарфоровой посудой своей фабрики, находившейся в Вятской губернии. Оборот торговли в течение года доходил до 3000 руб. Приказчиком у нее служил крестьянин Филипп Артемьев Саподянкин [51, л.246 об.].

«На Хлебной площади в строении купца Апакова Казанский мещанин Алексей Дмитриев Бутылин имеет лавку. Сам торгует в лавке хлебным товаром, оборот торговли в течение года доходит до 900 руб. Товар покупает и продает в Казани» [51, л.153 об.].

Однако к концу XIX в. былая коммерческая мощь Измаила Апакова, да и всего рода, как отмечает Р.Р. Салихов, стала ослабевать. Если в 1882 г. Измаил Исхакович оплатил 745 рублей налогов и сборов за купеческие документы на 1883 г. [32], то уже с 1884 г. он был исключен из купцов за необъявлением капитала и записан как потомственный почетный гражданин [61, л.24]. Это ознаменовало закат семьи Измаила Исхаковича на сцене предпринимательской деятельности в Казани. В 1882 г. умирает жена Измаила Биби Гайша.

Один за другим распродает свое недвижимое имущество Измаил Исхакович в 1880-х. Дом на Хлебном базаре и на углу Петропавловского переулка переходит Гарифу Ибрагимову Утямышеву и Абдрахману Ибрагимову в 1885 г. за 17000 руб., деревянный дом по ул. Ближне Ямская – мещанке Прасковье Степановне Степановой за 750 руб. [30], в 1888 г. дом стоимостью в 15003 руб. на углу Проломной и Гостинодворской переходит коллежскому секретарю Елагину Михаилу Францевовичу и купцу Лисицину Ивану Павловичу [31, л. 3 об.]. В 1887 г. продается крестьянину Мухамет Шакиру Бикчентаеву Габдрахманову дастровое место в 5-й части Казани Екатерининской ул. за 2700 руб. [28, л.45].

В судах находятся иски кредиторов к имуществу семьи Апаковых: жены губернского секретаря Ольги Алексеевны Мосоловой на 20000 рублей [58, л.1], дворянина Болеслава Карлова Свенцицкого на 24000 рублей [58, л.8].

Упадок в делах вынуждает Измаила Исхаковича быть несостоятельным должником, его имущество распродается с торгов или оставляется кредиторами в счет долга. Так, в 1888 г. имущество Измаила Исхаковича, заложенное в Саратовско-Симбирском Земельном Банке, за неуплату Банку было выставлено на публичные торги: каменный двухэтажный с мезонином дом со строениями и землей в двух участках по ул. Воскресенской (в сумме 13596 руб. 31 коп.); каменные четырехэтажный и двухэтажный дом с флигелем, строениями и землей в двух участках на Воскресенской улице за 24471 руб. 27 коп., а также дом на Проломной. Все эти лоты за неуспешностью торгов перешли в собственность Банка в 1889 году [33].

Измаил Исхакович Апаков являлся одним из самых ярких представителей рода Апаковых, на примере жизни и деятельности которого прослеживается расцвет и упадок данного купеческого рода.

Однако, несмотря на упадок в коммерческих делах в конце XIX века, влияние семьи Апаковых на культурную жизнь мусульманского населения оставалось значительным. Особым авторитетом пользовался Ибрагим Исхакович, женатый на дочери муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания Абдулвахиде Сулейманова, Махуб Камале Абдулвахидовой. Как и Измаил, Ибрагим вкладывал в городскую недвижимость огромные средства от торговых операций в Российской империи и Средней Азии и от сбыта мануфактурного товара в Казани. В 1866 г. он построил большой доходный дом на углу улиц Евангелистовской и Московской, где позднее разместились номера «Булгар».

Единственная дочь Ибрагима Биби Марьям Бану (1866–?) была выдана замуж в 1884 г. за сына легендарного шейха Шамиля аль-Гали, отставного генерал-майора Мухамет Шафи Шамиля. Благодаря этому браку в Старо-Татарской слободе впервые поселился генерал, имевший значительные связи в высоких кругах Российской империи, а их особняк на Екатерининской улице постепенно превратился в центр общественной деятельности, связанной с такими известными именами общественных деятелей, как Загид Шамиль, Фатих Амирхан, Габдулла Тукай, Сагит Рамиев, Вафа Бахтияров и др. Так, Ф.Амирхан организовал редакцию молодежной газеты «Аль-Ислах» напротив особняка четы Шамиль, дома Габдель Шакура Апакова, купца II гильдии из рода Апаковых.

Таким образом, мы осветили в данной статье различные версии происхождения рода мурз Апаковых г. Казани, проследили становление и расцвет купеческой династии на примере самых ярких его представителей и обозначили тот вклад, который данный род внес в развитие города Казани.

Список использованных источников и литературы

1. Девярых Л.И. Из истории казанского купечества. – Казань: Титул, 2002.
2. Гайнетдинов И.И. Экономическое развитие татарских соборных слобод во 2-ой половине XVIII в. // Старо-татарская слобода – от прошлого к будущему: материалы науч.-практ.конф. Казань, 28 февраля – 1 марта 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001.

3. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI – XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
4. Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. Т.1. – Казань: Яналиф. 2001.
5. Лызлов А.И. Скифская история. – М.: Наука, 1990.
6. Карамзин Н.М. История государства российского: В 4 кн. Кн. 3. – Т.7–9. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990.
7. Мустафина Д. «...желает-де она, чтоб ей жить вовсе на Москве» // Эхо веков. 2006. № 1. – С.3–7.
8. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.1.
9. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.759.
10. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.792.
11. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.860.
12. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.885.
13. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.894.
14. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.902.
15. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.916.
16. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.968.
17. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.949.
18. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.975.
19. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.24.
20. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.44.
21. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.75.
22. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.330.
23. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.961.
24. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.962.
25. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.966.
26. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.1081.
27. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.1459.
28. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.1864.
29. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.2265.
30. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.1244.
31. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.2178.
32. НА РТ. Ф.98. Оп.6. Д.241.
33. НА РТ. Ф.98. Оп.7. Д.179.
34. НА РТ. Ф.98. Оп.8. Д.248.
35. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.216.
36. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.582.
37. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.593.
38. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.902.
39. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.916.
40. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.980.
41. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1051.
42. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1118.
43. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1218.
44. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1374.
45. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д. 1480.
46. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1604.
47. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1605.
48. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1721.
49. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1820.
50. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1840.
51. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3530.
52. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3642.
53. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3655.
54. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4098.
55. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4198.
56. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4363.
57. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4367.
58. НА РТ. Ф.139 Оп.1. Д.70. Л.1, 8.
59. НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.3.
60. НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.27.
61. НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.102.
62. НА РТ. Ф.408. Оп.2. Д.26.

63. НА РТ. Ф.408. Оп.2. Д.684.
64. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVII вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
65. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский летописец. – М.: Наука, 1978. – С.8–30.
66. Салихов Р.Р. Три века рода Апаковых // Время и Деньги. Вып. 72–73. 26 апреля 2005 г.
67. Салихов Р.Р., Мухамадеева Л. Автобиография казанского купца Ахметзяна Сайдашева // Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 109–112.
68. Свердлова Л.М. Купечество Казани: Дела и люди: Историко-документальные очерки. – Казань: Матбугат йорты, 1998. – С.63–69.
69. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3: История России с древнейших времен: Т.5–6. – М.: Мысль, 1989.
70. Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгарско-татарского происхождения // Татарская электронная библиотека. 2006–2010. URL: <http://kitap.net.ru/halikov5.php>.

Р.Р. Идрисов

Ә.Еники әсәрләрендә татар морзалары хакында тарихи мәгълүматлар

Бөек татар әдиге, Татарстанның халык язучысы, Татарстанның Габдулла Тукай исемендәге Дәүләт премиясе лауреаты, якташыбыз Әмирхан Еники данлыклы морза Еникеевләр нәселеннән чыккан язучы, әдип иде. Икенче бер морза академик Әдһәм Тенишев әйтүенчә: «Әйтелмәгән васыять» әсәре белән татар әдәбияты тарихында яңа чор ачкан» Еники милли әдәбиятыбыз һәм мәдәниятебез титаны булып танылды, рухи тормышыбызның вөждән һәм намус үлчәменә әйләнде. Затлы һәм зыялы әдип Ә.Еники халык алдында һәм әдәби жәмәгәтчелектә гаять зур абруй казанды, язучылар өчен чын әдип һәм морза идеалы булып кабул ителә башлады.

Татарстанның халык язучысы Т. Миңнуллин: «Татар әдәбиятының морзасы» дип исемләнгән мәкаләсендә: «...аның үлемен ишеткәч, көндәлегемә «Әмирхан Еники үлгән, диделәр. Татар әдәбиятының соңгы морзасы бездән китте. Мужиклар гына жыелып калдык, дип язып куйганмын», – диде [1, с.177]. Бөек әдипнең алыштыргысызлыгына ишарә бу. Чыннан да, совет чорында да үзенең кенәз-морзалыгыннан ваз кичмәгән, киресенчә, шул хакта язган сирәк әдипләребезнең берсе ул. Революциягә кадәр Г. Исхакый, С. Жәлал, Ф. Кәримиләрдән соң морзалар темасында төпле сүз әйтүче булды Ә. Еники. Чөнки советлар вакытында алар хакында уңай сүз әйтү һич тә хупланмады. «Патша да, Совет хакимияте дә яратмаганныр» (М. Мамлеев) хакында әдип үз әсәрләрендә («Рәшә», «Гөләндәм туташ хатирәсе») бу темага кагылгалап китсә дә, махсус рәвештә аңа тукталмады. Иҗатына йомгак буларак кабул ителгән «Соңгы китап»та исә Ә. Еники татар кенәз-морзалары язмышын әтрафлы тикшерде. Шул чорда билгеле булган тарихи һәм әдәби мәгълүматларга нигезләнеп, әдип татар морзалары хакында бербөтен, төзек һәм концептуаль фикер әйтүгә иреште. Ул «морза» сүзенең этимологиясенә, аның эчтәлегә, жәмгыятьтәге статусы һәм бу социаль катлауның тарихи язмышына жентекле күзәтү ясады. Бу әсәрендә Ә.Еники шул чорның тарих фәнендәге карашларга, ата-бабалардан калган риваять-истәлекләргә, нәсел агачы – шәжәрәләргә һәм «Яңа Каргалы авылына ике йөз ел» дип аталган кулъязма китапка таяна. «Соңгы китап»ның «Бабайлар эзеннән» дигән бүлеге тулысынча әнә шул морзалык статусын ачыклауга багышланган. Шулай ук «Туганнар» һәм «Урам буйлап» дигән бүлекләрдә дә морзалыкка кагылышлы кызыклы күзәтүләр бар. Гомумән алганда, Ә.Еники, беренчеләрдән булып, инде халык хәтереннән жуела башлаган татар элитасының генезисын, аның эволюциясен һәм тарихи язмышын анализлый, морзалык статусының сәяси, тарихи, социаль һәм милли тамырларын ачыкларга омтыла. Һәм шуны да әйтергә кирәк: язучы мөмкин кадәр объектив һәм гадел булуга ирешкән.

Морзалыкның чыгышын барлаганда ул болай ди: Ә менә «морзалык» безгә, чын булса, монголлар вакытында бирелгән, имеш. Миндәге кулъязмада шулай диелгән, ягъни «морза» сүзе Ираннан чыккан һәм төрки халыкларга монголлар аша кергән, дип әйтелгән. Шулай да мин безнең нәсел монголларга чаклы ук инде ниндидер бер өстен таифә (каста) булгандыр, дип уйлыйм. Алтын Урдага буйсынган та, аларның үз жирләренә үзләре хужа булып калулары, гаскәр башлыклары булып торулары һәм морза исеме белән йөрүләре шул иске дәрәжә – өстенлекнең дәвамы гына булса кирәк» [2; с.10].